

Нич Карл Вильгельм

История Римской республики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл Вильгельм Н.**
История Римской республики / Нич Карл Вильгельм – М.: Книга по Требованию, 2024. –
563 с.

ISBN 978-5-519-99913-7

ISBN 978-5-519-99913-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

стараясь, особенно въ географическихъ названіяхъ, придерживатъсь
обычной передачи, при чемъ, конечно, невозможно было избѣ-
жать нѣкоторой произвольности; поэтому транскрипція по образцу:
Лаціумъ стоитъ у насъ рядомъ съ транскрипціей по образцу:
Брундизій.

Переводъ выполненъ студентами Б. Г. Брауномъ, Б. Р. Вип-
перомъ, А. А. Петровымъ, Н. М. Поповымъ и П. Г. Ченцовымъ.

Д. Кончаловскій.

Предисловіе къ нѣмецкому изданію.

Мысль издать лекціи покойнаго Карла-Вильгельма Нича обязана своимъ возникновеніемъ не только чувству уваженія къ нему, усиленному внезапностью утраты но также глубокому убѣжденію, что результаты его долгой и богатой жизни изслѣдователя, изложенные имъ какъ разъ въ лекціяхъ, должны быть сохранены для нѣмецкой науки.

Благосклонный приѣмъ, которымъ была встрѣчена изданная Г. Маттеемъ Исторія Германіи Нича, съ одной стороны оправдалъ эту мысль, а съ другой придалъ мнѣ мужество опубликовать также настоящую первую часть исторіи римской республики. Вѣдь именно отъ изученія древней и въ особенности римской исторіи Ничъ впервые перешелъ къ нѣмецкой исторіи, и изъ него онъ почерпнулъ основныя положенія своего историческаго метода. И если въ послѣдніе годы его жизни могло казаться, что онъ хотѣлъ посвятить свои силы исключительно изслѣдованію нѣмецкаго прошлаго, то его все же постоянно влекло опять назадъ къ римской исторіи, къ той области, гдѣ въ юношескомъ воодушевленіи, слѣдуя по начертанному Нибуромъ пути, онъ впервые ощутилъ счастливое чувство собственной творческой дѣятельности. Еще незадолго до своей смерти онъ былъ занятъ тѣмъ, чтобы въ широко задуманной, теперь къ сожалѣнію оставшейся отрывкомъ статьѣ защитить и далѣе обосновать выводы „Римской анналистики“.

Обозрѣвая въ цѣломъ многочисленныя болѣе мелкія и болѣе крупныя работы, въ которыхъ Ничъ разрабатывалъ римскую исторію, мы получаемъ почти полную картину его личнаго пониманія римскихъ событій отъ основанія республики до ея паденія.

Второй отдѣлъ сочиненія о Полибіи (Киль, 1842) занимается римской политикой отъ второй пунической войны до смерти Сципіона младшаго; книга о „Гракахъ и ихъ ближайшихъ предшественникахъ“ (Берлинъ, 1847) трактуетъ о причинахъ, ходѣ и

слѣдствіяхъ попытокъ экономическихъ реформъ во второмъ вѣкѣ до Р. Х. и заканчивается обзоромъ послѣднихъ судебъ распатанной республики; „Римская анналистика“ (Берлинъ 1873) пытается съ помощью мастерски сдѣланной критики объяснить исторію римской исторіографіи, чтобы вновь воспроизвести исторію древней республики, какъ ее изображали древнѣйшіе и лучшіе источники; и наконецъ обстоятельная „Рецензія на римскую исторію Моммсена“ (1-я статья въ *Jahrb. für kl. Phil.* 1856, 2 и 3 ст. тамъ же 1858) даетъ почти для каждой эпохи республики собственное пониманіе автора.

Но какъ Ничъ не написалъ нѣмецкой исторіи, такъ не принималъ онъ писать и римскую. Правда, онъ думалъ иногда объ этомъ: въ оставшихся послѣ него бумагахъ нашлось начало исторіи римской республики, которымъ я воспользовался для настоящаго изданія. Но этотъ крошечный отрывокъ—къ сожалѣнію, единственное связное изложеніе, которое дали оставшіяся бумаги. Удержала ли его громадность задачи? или сознаніе недостаточности художественнаго таланта? Кто зналъ его благородную личность, въ которой столь удивительнымъ образомъ соединялись творческая сила духа съ кроткимъ смиреніемъ, кто помнитъ добродушіе, съ какимъ самъ Ничъ говорилъ о недостаткахъ своего стиля, тотъ, пожалуй будетъ готовъ допустить послѣднее предположеніе. Слишкомъ смѣло было бы желать рѣшить этотъ вопросъ! Я считаю однако долгомъ отмѣтить, что высокая задача, которую Ничъ вообще ставилъ исторіографіи, какъ разъ въ римской исторіи встрѣчаетъ столь колоссальныя трудности, что даже творческій умъ могъ отступить передъ ея разрѣшеніемъ, тѣмъ болѣе, что необходимыя для этого предварительныя работы до сихъ поръ выполнены только отчасти.

„Древняя исторія“—писалъ Ничъ въ предисловіи къ „Іракамъ“,—есть зерно и центръ всѣхъ гуманитарныхъ наукъ, и послѣднія, думается мнѣ, только тогда смогутъ устоять противъ вторгающагося матеріализма, если именно въ древней исторіи будетъ достигнуто такое изображеніе, которое не занимается только сухимъ собираніемъ фактовъ или краснорѣчивыми патетическими изліяніями, но, напротивъ, изображаетъ древній міръ глубоко взволнованнымъ тѣми же самыми вопросами жизни, которые еще теперь отчасти неразрѣшенные занимаютъ каждого честнаго человѣка“.

Подъ этими „вопросами жизни“ онъ понималъ главнымъ образомъ матеріальные интересы, стихійная сила которыхъ кажется непреодолимой для свободного самоопредѣленія. „Лицомъ къ лицу съ этими стихійными силами, которыя грозятъ окончательно подавить человѣческую индивидуальность, все опредѣленнѣе и яснѣе, все снова и снова постигать и изображать именно эту индивидуальность, которая погибла бы, если бы не могла воздѣйствовать на другія свободныя личности, изображать ее въ разгарѣ ея дѣятельности и взаимнаго вліянія—вотъ что представляется мнѣ задачей исторической науки“.

Ничъ, слѣдовательно, вполнѣ и всецѣло признавалъ громадную важность матеріальныхъ интересовъ въ исторіи: но не они сами по себѣ являются, по его мнѣнію, предметомъ историческаго разсмотрѣнія и изображенія, а борьба нравственно-свободной личности съ этими стихійными силами и взаимодѣйствіе между ними. Нужно только представить себѣ положеніе и состояніе источниковъ древней исторіи, чтобы сейчасъ же увидѣть громадныя затрудненія, которыя мѣшаютъ изображенію древней исторіи съ этой точки зрѣнія.

Судьбы римскаго крестьянства, борьба крестьянскихъ и некрестьянскихъ интересовъ, борьба старо-римскихъ элементовъ въ легіонахъ и народномъ собраніи противъ господства вновь образующагося сословія капиталистовъ: вотъ что Ничъ хотѣлъ видѣть на первомъ планѣ въ изображеніи римской исторіи, отъ которой вѣяло бы „непосредственнымъ дыханіемъ внутренней жизни и убѣждающей истины“. И какъ въ только что приведенной цитатѣ онъ указываетъ на нравственно-свободную личность, какъ на преимущественный объектъ историческаго разсмотрѣнія, такъ въ упомянутой выше рецензіи онъ говоритъ: „Римскій гражданинъ-легіонеръ въ его отношеніи къ офицеру и всаднику, мелкій землевладѣлецъ, зависящій отъ своего юрисконсульта, соединяющій въ себѣ хозяйственность и храбрость солдата, смотрящій на вещи ограниченнымъ, но увѣреннымъ взглядомъ воина, знающій людей и свои обязанности, представляетъ изъ себя своеобразный продуктъ римской исторіи и настоящее рѣшеніе ея загадки“.

Такъ какъ послѣдователи и противники Нибура, а также блестящее изображеніе Моммсена отнюдь не „рѣшали этой загадки“, то Ничъ при всемъ искреннемъ и сердечномъ признаніи отдѣль-

ныхъ выводовъ, при всемъ признаніи величія Моммсена именно, какъ изслѣдователя, все-таки смотрѣлъ на новѣйшія изображенія римской исторіи, какъ на шагъ назадъ по сравненію съ тѣмъ, къ чему стремился уже Нибуръ.

Чѣмъ шире получало распространеніе въ послѣднія десятилѣтія моммсеновское изображеніе, тѣмъ меньше становился кругъ тѣхъ, которые понимали требованія Нича, тѣмъ болѣе одинокимъ становилось положеніе Нича среди изслѣдователей. Съ тѣхъ поръ какъ его написанная въ благородномъ воодушевленіи книга о Гракхахъ была не понята, даже осталась почти не прочитанной, онъ только въ болѣе мелкихъ статьяхъ, какъ напр., въ прекрасной статьѣ объ „отношеніяхъ войска и государства въ римской республикѣ“ (*Sybel's hist. Zeitschrift* VII, 1862) опубликовывалъ свое особое пониманіе, полную же картину его онъ развертывалъ только своимъ ученикамъ. Но въ своихъ критическихъ работахъ онъ не переставалъ со свойственной ему серьезностью указывать пробѣлы въ предварительныхъ работахъ, которыя сперва нужно было заполнить, прежде чѣмъ могла быть написана настоящая римская исторія, и съ своей стороны пытался ихъ заполнить. Мы этимъ касаемся той области изслѣдованія, гдѣ его неоспоримыя заслуги все болѣе признаются также противниками.

Въ критикѣ источниковъ—о ней будетъ итти рѣчь—Ничъ припримыкалъ непосредственно къ Нибуру, генію котораго современное историческое изслѣдованіе обязано своимъ возникновеніемъ и первоначальнымъ развитіемъ. Ничъ охотно останавливался на разсмотрѣніи созданія „этого продукта нашего національнаго образованія“, какъ онъ любилъ называть нѣмецкую историческую науку, и слышалось трогательное проникновеніе въ способъ и манеръ, съ какими онъ говорилъ о тѣхъ великихъ и важныхъ дняхъ, когда Нибуръ во вновь основанномъ берлинскомъ университетѣ впервые читалъ свои лекціи по римской исторіи.

Критическіе принципы Нибура могутъ быть сведены въ главномъ къ одному основному положенію, что потерянные древніе источники можно найти въ позднѣйшихъ, хотя отчасти почти въ неузнаваемомъ видѣ, такъ какъ по общему закону историческаго преданія позднѣйшіе писатели или списывали или по крайней мѣрѣ пользовались своими предшественниками. Согласно съ этимъ, задача критики заключается въ томъ, чтобы установить отноше-

ніе источниковъ другъ къ другу и, насколько это возможно, извлечь изъ болѣе позднихъ извѣстій болѣе раннія.

Этимъ самымъ исторической критикѣ была поставлена хотя трудная, но зато богатая перспективами задача, и она—предположивъ правильность этого положенія—не могла уклоняться отъ послѣдней, потому что самъ Нибуръ, при невозможности рѣшить ее одному, въ своей собственной работѣ поступалъ часто гипотетически и произвольно и впадалъ въ многочисленныя заблужденія.

Для Нича при оцѣнкѣ нибуровскихъ принциповъ фактомъ рѣшающаго значенія было то, что они въ области средневѣковаго историческаго изслѣдованія нашли самое блестящее и поразительное подтвержденіе. Что касается римской исторіи, то хотя въ отдѣльных частяхъ здѣсь и пытались рѣшить поставленную Нибуromъ задачу, но въ главномъ и цѣломъ наступавшая реакція противъ взглядовъ Нибура отодвинула ее въ сторону, при чемъ однако неправильности его критической постановки вопроса во все не были доказаны. Если поэтому Ничъ въ 1845 году въ результатѣ своего обзора тогдашняго состоянія исторіи римской республики (*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* IV) настаивалъ: „что, имѣя въ виду основной взглядъ Нибура, прежде всего нужно заново и отъ основанія изслѣдовать исторію нашихъ источниковъ, и что лишь по окончаніи этой до сихъ поръ невыполненной работы могутъ быть отвергнуты великія и еще теперь прочныя основныя положенія, установленныя Нибуromъ“; и если въ заключеніе онъ выражалъ пожеланіе: „чтобы эта задача, для которой столь многіе работаютъ въ области нѣмецкой исторіи, такъ же и въ области римской скорѣе нашла человѣка, которому она была бы вполнѣ по плечу“,—то 28 лѣтъ спустя въ введеніи къ „Римской Анналистикѣ“ онъ долженъ былъ съ разочарованіемъ констатировать, „что въ обѣихъ крупныхъ областяхъ историческаго изслѣдованія, въ области средневѣковья и въ области древней исторіи классическихъ народовъ мы имѣемъ замѣчательное различіе господствующаго метода: въ области средневѣковья едва ли дѣлается шагъ безъ того, чтобы раньше тщательно не было изложено состояніе источниковъ; въ области древней исторіи можно назвать только очень немного, и при томъ ни одной болѣе крупной работы, которая была бы произведена на основаніи сколько-нибудь достаточнаго анализа источниковъ“.

Необыкновенная способность подчинять отдѣльныя явленія общей точкѣ зрѣнія позволяла Ничу въ томъ направленіи, которое изслѣдованіемъ римской исторіи принято со времени Нибура, ясно видѣть развитіе, противъ котораго онъ чувствовалъ себя обязаннымъ протестовать живѣйшимъ образомъ. Когда онъ много лѣтъ тому назадъ принялся за изображеніе эпохи Гракховъ, такъ какъ для нея „Всеобщая исторія“ Полибія и книга Катона „О земледѣліи“ давали основу, „какой не имѣютъ даже слѣдующія затѣмъ времена“, то для него какъ разъ при этой работѣ стало ясно, какія задачи ждали критику даже еще для этого сравнительно благопріятно поставленнаго періода; а для другихъ, гораздо болѣе трудныхъ періодовъ не было сдѣлано почти ничего.

Поэтому Ничъ видѣлъ въ изслѣдованіяхъ своего ученика Ниссена, котораго онъ самъ побудилъ къ этой работѣ, важный шагъ впередъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвращеніе на тотъ путь, по которому шелъ Нибуръ. Разсматриваемыя съ этой стороны его собственныя критическія изслѣдованія по римской анналистикѣ и исторіи древней республики, которыя онъ соединилъ и, дополнивъ, опубликовалъ въ 1873 г. приобрѣтаютъ, наконецъ, значеніе попытки самому выполнить часть задачи, рѣшеніе которой онъ четверть вѣка тому назадъ выставилъ въ качествѣ безусловнаго требованія. Насколько полученные имъ результаты, имѣющіе для исторіи римской республики фундаментальное значеніе, могутъ разсчитывать на одобреніе, рѣшеніе этого вопроса остается предоставить будущему, но обоить его нельзя.

Благодаря обстоятельнѣйшимъ детальнымъ занятіямъ, Ничъ создалъ себѣ вполне ясное и законченное представленіе о положеніи римскаго преданія; но если когда-нибудь для историка такіе критическія работы были не самостоятельною цѣлью, а только средствомъ къ цѣли, то именно Ничъ являетъ собою этотъ случай. Соединеніе критически провѣренныхъ фактовъ въ общую историческую картину не только было цѣлью его умственной работы, но въ ней кромѣ того проявлялась вся оригинальность и глубина его духа. Какъ я выше уже упомянулъ, именно въ лекціяхъ Ничъ связно излагалъ эти послѣдніе результаты своихъ историческихъ занятій, своимъ слушателямъ и ученикамъ раскрывалъ онъ въ настоящей полнотѣ свое историческое пониманіе. Не является ли поэтому долгомъ чести его благодарныхъ учениковъ сдѣлать до-

ступными также и для большой публики эти лекціи, которымъ они обязаны сильнѣйшимъ возбужденіемъ мысли?

Настоящее изданіе преслѣдуетъ эту цѣль, но и только эту! Ибо съ грустью признаюсь, что оно осталось далеко позади того, на что позволяла мнѣ надѣяться первая радость предпринятой задачи. Тщательная запись въ тетради представляет все-таки только тусклый отблескъ устной лекціи, а надежда найти въ оставшихся послѣ его смерти рукописяхъ болѣе удовлетворительный матеріалъ, оказалась обманчивой. Кромѣ уже упомянутого, занимающаго только нѣсколько страницъ начала исторіи римской республики, отрывка написанной имъ самимъ въ 1855 г. тетради и одной тетрадки лекцій, составленной по запискамъ трехъ кѣнигсбергскихъ слушателей, въ наслѣдствѣ оказалось только большое количество отдѣльных листовъ и записокъ, гдѣ Ничъ въ отрывочной формѣ набрасывалъ схему фактовъ и руководящія мысли, предоставляя изложеніе и связь ихъ свободной лекціи. Съ этимъ матеріаломъ невозможно было передать краски его оригинальной рѣчи, какъ это удалось сдѣлать Маттею въ изданіи нѣмецкой исторіи, напротивъ, я долженъ былъ въ главномъ и цѣломъ довольствоваться простымъ и безыскусственнымъ рефератомъ, такъ какъ всякая попытка передать художественность изображенія заключала въ себѣ опасность субъективной окраски. Я однако надѣюсь, что достигъ самаго важнаго: точной и связаной передачи того своеобразнаго пониманія, которое самъ Ничъ опубликовалъ только въ отдѣльных отрывкахъ.

Ничъ имѣлъ обыкновеніе во всемъ лекціямъ предпосылать въ сущности одно и то же введеніе, гдѣ давалъ обзоръ образованія историческаго метода и развитія исторіографіи до настоящаго времени. Такъ какъ это введеніе въ послѣдней части находило свой естественный центръ въ лицѣ Нибура, то, очевидно, имѣлось въ виду предпослать его римской исторіи. Здѣсь въ его наслѣдіи оказалось превосходное подспорье, заключающееся въ двухъ большихъ отрывкахъ, изъ которыхъ одинъ посвященъ средневѣковой, а другой античной исторіографіи и обрывается на Фукидидѣ. Можемъ только пожалѣть о томъ, что послѣдній отдѣлъ остался неоконченнымъ, такъ какъ онъ былъ предназначенъ выполнить къ празднованію столѣтія со дня рожденія Нибура какъ разъ то, что долженъ былъ выполнить первый отдѣлъ настоящаго тома. Я не воле-

XIII

блюсь привести здѣсь въ высшей степени характерное для Нича начало этого отрывка: „Празднуя въ кругу своихъ учениковъ и друзей свой докторскій юбилей, Леопольдъ фонъ-Ранке въ отвѣтъ на принесенныя ему поздравленія сказалъ, что три человека, Фукидидъ, Лютеръ и Нибуръ, оказали на все его развитіе величайшее вліяніе. Но этими словами было выражено не только личное отношеніе и ходъ индивидуальнаго развитія великаго изслѣдователя и писателя. Въ этихъ трехъ именахъ можно попытаться выразить какъ въ одной формулѣ общее развитіе историческаго метода и науки, той дисциплины, которая, возникнувъ въ эпоху Фукидида, лишь съ эпохи реформаціи пошла по тѣмъ новымъ путямъ, гдѣ какъ бы впервые были снова пріобрѣтены точки зрѣнія Фукидида, пока Нибуръ работой, отличающейся индивидуальнѣйшей смѣлостью и энергіей, не расширилъ полученный опять такимъ образомъ горизонтъ до границъ, въ предѣлахъ которыхъ работаемъ теперь“.

Я воспользовался для „обзора“ этими двумя отрывками почти цѣликомъ, хотя оказались необходимыми нѣкоторыя вставки. Вводныя замѣчанія и вторая глава составлены такимъ образомъ по первому, первая глава до Фукидида включительно, кромѣ начала, по второму отрывку. Вставки и вся третья глава основываются на лекціяхъ и на замѣткахъ найденныхъ въ бумагахъ, которые здѣсь имѣются еще въ достаточномъ количествѣ.

Мнѣ остается только пожелать, чтобы книга, несмотря на недостатки ея изданія, вліяла, возбуждая и поощряя. Вмѣстѣ съ тѣмъ я шлю здѣсь мой привѣтъ всѣмъ тѣмъ, кто все еще не можетъ разстаться со скорбью, вызванною утратой благороднаго человека!

Берлинъ 3 октября 1883 г.

Г. Турэ.

Докт. филос., преподаватель Кёнигсдеттской гимназіи въ Берлинѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Обзоръ развитія исторіографіи до Нибура	1— 48
Историческій методъ не знаетъ ни эксперимента естественныхъ наукъ, ни способа доказательства юридическихъ наукъ (1); онъ долженъ признать право на существованіе индивидуальнаго пониманія (2).	
Глава I. Исторіографія античной древности	4— 28
Сказаніе и исторія; эпическое преданіе и историческая пѣсня (4). Египетскіе, вавилонскіе и ассирійскіе памятники (5). Иудейская исторіографія (6). Персидская клинопись и Бузулукская надпись (7). Противоположность между массою этихъ памятниковъ и устнымъ преданіемъ (7). Гекатей изъ Милета и Геродотъ изъ Галикарнасса, творцы исторической критики (9). Субъективная критика Гекатея (9). Положительная критика Геродота; Геродотъ собираетъ литературу сказаній, не пользуясь матерьяломъ первоисточниковъ (10). Фукидидъ, какъ противоположность Гекатея и Геродота (14). Онъ считаетъ невозможной достовѣрную исторію прошлаго и ограничивается исторіей своего времени (15). Въ основѣ его изображенія лежатъ богатый матерьялъ первоисточниковъ (17); его произведеніе (18). Эфоръ пишетъ первую національную исторію Греціи (22). Исторія Сициліи Тимея (23). Около 200 года вся исторіографія написана на греческомъ языкѣ (23). Римское мировое владычество и всемірная исторія Полибія (23). Римская исторіографія на службѣ партійныхъ тенденцій; побѣда цезаріанской партіи (25). Тацитъ (25). Христіанство и христіанское всемірное преданіе (27). Иеронимъ и Августинъ (27).	
Глава II. Нѣмецкая исторіографія въ средніе вѣка	29— 34
Развитіе нѣмецкой исторіографіи прерывается борьбой между папствомъ и имперіей (28). Рифмованныя хроники (30). Исторіографія городовъ Италіи и Германіи (31). Составители Любекской хроники (32).	
Глава III. Новая исторіографія до Нибура	35— 48
Открытіе античной исторіографіи и развитіе классической филологіи (35). Споръ между протестантизмомъ и католицизмомъ впервые приводитъ къ развитію исторической критики (36). Бароній, Мабильонъ, Рюннаръ, Тиллемонъ (37). Муратори, Мабильонъ и Лейбницъ состоятъ въ оживленномъ литературномъ общеніи; Annales Лейбница остаются неизданными до 1843 года (38).	